

«Крылья» международных отношений: технологии в современном мире

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-4-7-10>

Первую главу своей знаменитой книги-прогноза американский футуролог Элвин Тоффлер назвал «Конец постоянства»¹. Эта метафора как нельзя лучше передает то состояние, в котором пребывает современный мир. Турбулентность и непредсказуемость внутри-и внешнеполитических процессов существенно увеличивается. Привычные иерархии, альянсы ставятся под сомнения, устоявшиеся ценности оспариваются. И даже вокруг событий прошлого ведутся интенсивные «войны памяти» за право устанавливать «единственно правильные» исторические нарративы². Понятие «новой нормальности», применяемое изначально к определенным социально-экономическим особенностям развития (низкие темпы роста и высокая безработица), перекочевало в общественные науки и стало использоваться в оценке стремительно меняющихся реалий³.

В дискуссиях о «конце постоянства» значительное место занимает роль и значение научно-технологических достижений. По словам Тоффлера, «высокую скорость перемен можно отследить по многим факторам. Рост населения, урбанизация, меняющееся соотношение молодых и стариков, – все играет свою роль. Однако развитие технологий, очевидно, – решающий узел в сети причин; действительно, это узел, который активизирует всю сеть»⁴. Американский антрополог Эдвард Холл, размышляя о взаимовлиянии биологического и общественного развития, пришел к выводу о технологии как «продолжении биологической эволюции, способе человека отрастить себе крылья, ноги и хвост, не дожидаясь, пока это сделает за него природа»⁵.

1 Тоффлер, Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 212 с.

2 Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.

3 Юдаева, К.В. New Normal для России. Научный доклад. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 20 с.

4 Тоффлер, Э. Шок будущего.

5 Hall, Edward T. *Beyond Culture*. N.Y.: Anchor Books, 1989. P. 38

В этом контексте важно понять и адекватно оценить, в какой степени технология является или может являться революционным фактором по отношению к международной политике. Можно ли говорить о том, что приход «цифрового века», растущее значение социальных сетей, радикальное обновление видов вооружений, появление новых видов вакцин отменяет или принципиально изменяет межгосударственные противоречия, национальные интересы, конфликты, военное и дипломатическое искусство? Речь в данном случае не о форме, а о содержании. Ряд исследователей совершенно справедливо указывают на растущее значение информационных технологий в сдерживании конкурентов и оппонентов на международной арене¹. Но в данном случае мы говорим о меняющихся инструментах, а не о принципиальном изменении целеполагания. Компьютер отодвинул на второй (хотя и не вытеснил полностью) автоматическое оружие и артиллерийские системы. Но суть самого сдерживания от этого не поменялась: оно лишь стало более искусным научно и технически. Не менее популярным сегодня является и концепт «гибридной войны», понимаемой как использование не прямых действий для нанесения ущерба противостоящей стороне².

Но если вынести за скобки такие реалии современности, как киберпространство, разве поддержание внутренней нестабильности на территории противника через поддержку повстанцев, диверсии, коррупцию политического истеблишмента без объявления войны открыли в начале XXI в. и ничего подобного мы не видели раньше в диапазоне от французской Ла-Рошели до казачьих походов на Азов и Топкапы?

В свое время известный немецкий философ Юрген Хабермас, наблюдая за стремительным научно-техническим прогрессом, предложил формулу «деполитизации» традиционных идеологий³. На завершающем этапе холодной войны и в первые годы после нее большой популярностью пользовалась идея о технологическом прорыве, как важнейшей предпосылке глобализации, о стирании граней между государствами и традиционно понимаемыми национальными интересами⁴. Однако по прошествии тридцати лет мы видим, что новейшие научно-технические достижения никак не мешают США бороться за сохранение глобального доминирования, а Китаю и России – оспаривать его. Как следствие, появление в медийном, экспертном и академическом языке таких понятий, как «вакцинная дипломатия»⁵ или конкуренция «техноэкономических блоков»⁶. При этом прикладное использование науки и техники нередко идет рука об руку с архаизацией общественных отношений, что блестяще продемонстрировал пример пресловутого «Исламского государства»⁷.

Стремительное технологическое развитие гарантированно обеспечивает миру «конец постоянства». Но эти перемены совсем не обязательно радикально

1 Смирнов, А.И. Современные информационные технологии в международных отношениях. М.: МГИМО-Университет, 2017. – С. 10–11.

2 Hoffman, Frank G. *Conflict in the 21-st century: The Rise of Hybrid Wars*. Potomac Institute for Policy Studies, 2007. https://www.potomacinstitute.org/images/stories/publications/potomac_hybridwar_0108.pdf.

3 Хабермас, Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – С. 86, 92, 101.

4 Альтерматт, У. Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. – 366 с.

5 "The Era of Vaccine Diplomacy Is Here," *The New York Times*, accessed March 4, 2021, <http://surl.li/mtli>.

6 Международные угрозы. Каждый за себя / Отв. ред. А.А. Сушенцов // МГИМО МИД России. [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/2ac/int-threats-2020.pdf> (дата обращения 04.03.2021).

7 Организации, запрещенной в России.

трансформируют систему международных отношений. Они дают в руки конкурирующих игроков новые инструменты, но не отменяют самой конкуренции. И, несмотря на то что коммуникация становится глобальной, отдельные «коммуникаторы» не спешат отказаться от своих собственных интересов. Получается, что от болезней страдает все человечество, а борьба за более качественные рецепты их лечения превращается в еще одну арену для соперничества.

Представляемый читателю четвертый номер журнала «Международная аналитика» посвящен влиянию современных технологий на политические процессы глобального, межгосударственного и регионального характера. Его открывает интервью с Романом Райнхардтом, посвященное новым формам и методам дипломатии. Оправдано ли с научной точки зрения появление конструктов «цифровая дипломатия» или «климатическая дипломатия», и не выглядят ли конъюнктурными дефиниции, ставшие ныне широко популярными? В интервью также рассматриваются такие вопросы, как сочетание «классической» и негосударственной дипломатии, влияние новейших научных изобретений на процесс формирования и принятия внешнеполитических решений.

В статье Ивана Данилина рассматривается американо-китайское технологическое соперничество. Весьма продуктивным представляется используемое автором понятие «технонационализм». С его точки зрения, технологический конфликт Вашингтона и Пекина «является новым феноменом, определяемым в том числе спецификой цифровых технологий и экономическими изменениями последних десятилетий, а также сохраняющим естественную преемственность с геополитическими и экономическими конфликтами прошлого и с существующими стратегиями и инструментарием».

Различным аспектам другого технологического соперничества, российско-американского, посвящены работы Андрея Баклицкого и Олега Шакирова. И если первый автор обращается к такой теме, как контроль над вооружениями, то второй – к сфере кибербезопасности. В статье Баклицкого рассматриваются две области, которые будут затронуты Москвой и Вашингтоном на будущих переговорах после продления договора СНВ-3. Это – противоракетная оборона и стратегические обычные вооружения. Шакиров фокусируется на вопросах интерпретаций концепции сдерживания в киберпространстве, имеющих в США и в России.

Питер Раутенбах обращается к такому исследовательскому сюжету, как угроза со стороны новых обычных вооружений, привычному со времен холодной войны формату ядерного сдерживания. Автор полагает, что наличие у США систем обычных вооружений «Быстрый глобальный удар» по своей природе опасно, поскольку оно повышает как вероятность их применения, так и нанесения первого удара по системам ядерного сдерживания другого государства.

Пандемия коронавирусной инфекции актуализировала значение фармацевтической отрасли и ее научно-технологического влияния на международные процессы. Этому вопросу посвящен текст Заура Мамедьярова. Автор полагает, что ситуация с глобальным распространением COVID-19 четче высветила ранее существующие проблемы, среди которых наиболее важными являются эффективность распределения медикаментов среди граждан, роль государства в организации санитарно-эпидемиологических мер по сдерживанию пандемии,

наличие технологий, позволяющих минимизировать риски заболеваний и предотвращать их в будущем.

Различные аспекты современных информационных технологий и их воздействие на общественно-политические процессы рассматриваются в статьях Грегга Саймонса и Александра Алексеева. Первый автор обращается к эволюции информационных войн и технологий смены режимов в начале XXI в. как способов непрямого воздействия на государства ради достижения национальных интересов их противников, тогда как второй автор – исследует феномен хэштэгов как технологий, стимулирующих протестные движения через социальные сети.

Науку, технический прогресс и религию обычно принято противопоставлять, хотя в действительности их взаимодействие и взаимовлияние намного сложнее. В статье Юлии Рокнифард, Орхана Гафарлы и Лесли Терребесси осмысливается отношение к прогрессу в странах исламского мира. Материал имеет два пласта: дискуссию мусульманских теологов и общественных мыслителей Востока о коллизиях между традицией и инновациями и тематические кейсы Ирана и Турции, которые авторы определяют, как «основные силы и идеологии» в исламском мире, «поощрявшие или препятствующие модернизации и технологическому прогрессу».

Проблемам военного применения искусственного интеллекта посвящена обзорная статья Натальи Самойловой. Автор рассматривает возможные политические последствия использования этой технологии, а также связанные с этим психологические и военные риски. Выход из ситуации Самойловская видит в разработке общей платформы и стандартов для применения искусственного интеллекта в военной области.

С того времени, как президент США Рональд Рейган объявил о программе «Стратегическая оборонная инициатива», получившей также известность как «Звездные войны», возможность ведения боевых действий в космосе стала не только сюжетом из научной фантастики, но и актуальным академическим и прикладным вопросом. Дмитрий Стефанович подготовил рецензию на книгу Блэйдина Боуэна «Война в космосе. Стратегия, космическая мощь, геополитика».

Не исключено, что новые научно-технические достижения приведут не только к изменению форм конфронтации, конкуренции, кооперации, но и к существенным трансформациям их содержания. Пока же – вслед за Эдвардом Холлом можно сказать, что обретенные с помощью технологий крылья человека выросли и даже укрепились. Остается до сих пор не ответным вопрос, будет ли это укрепление во благо всему человечеству.

С.М. Маркедонов, главный редактор